

Немецкий экспрессионизм в живописи и русское искусство

Среди русских художников, левых, конечно, принято относиться к немецкому экспрессионизму как к движению совершенно несерьезному, ничего, кроме усмешечек, не заслуживающему. Я и сам не сторонник экспрессионизма, и первое время, должен сознаться, был о нем весьма невысокого мнения.

Сейчас также для меня нет сомнения в том, что в пластических искусствах германская раса не блещет талантами, и вместе с тем сейчас, после полутора проведенных в Германии лет, я вижу в нем не только чуждое нам, но и что-то еще, чему м. Б. И нам не мешало бы поучиться.

Если разобраться в впечатлениях своих, то окажется, что нас отталкивает от экспрессионизма главным образом ужасающий индивидуализм, в нем проявляющийся. Как это часто бывает и в Германии – палка перегнута в обратную сторону – совершенно открыто в России индивидуализм взят под сомнение, причем истина, как ей и полагается, лежит посредине, должно быть.

Сегодняшний и завтрашний дни в искусстве являют собой момент действительно критический. Момент этот может и характеризоваться совершенно резким переломом в сторону неизвестную, или эволюцией в направлении, подлежащем учету.

Первый случай маловероятен хотя бы потому, что он обуславливается неожиданно новым в науке и жизни. Второй случай заключает в себе между прочим процесс просачивания – просачивания и некоторого обмена идей современного искусства в разных странах, так же как и подразумевает новое критическое отношение к принципам нового, а не старого искусства. При этом втором процессе, эволюционном, окажется, я думаю, что ряд мыслей, заключающихся в германском экспрессионизме, не останутся бесплодными.

Прежде всего экспрессионизм есть попытка создать национальное искусство, - вывод из индивидуализма совершенно ясный. В лагерях русского (в особенности) и французского искусства больше всего слышится голосов в пользу интернационального искусства. И в этом смысле русское левое искусство интернационально до крайности, так как после Ларионова (лубок и т.д.) русское искусство совершенно потеряло национальные черты, кроме, может быть, повышенного ультра-радикализма (черты русской) и вполне втекло в русло искусства французского – считаемого обязательно мировым (а не национальным).

Тенденция французская и русская – интернациональные – имеют, конечно, почвы солидные – великое искусство не представляется искусством «малых и больших народностей» - «малой и большой Антанты», оно, конечно, мыслится, как искусство интернациональное.

Но вряд ли было бы своевременным, наивничая, полагать интернационал количеством единиц, качественно не характеризующихся.

Интернационал слагается из наций – с их особенностями, так же как и коллектив из индивидуумов. И в этом смысле индивидуализм, как мысль экспрессионизма, имеет свои виды на будущее. Так как нужно же наконец обновить старую истину: - вне индивидуализма нет искусства, а есть машинное производство, все равно, автомобилей или черных точек на белой бумаге.

Другой вопрос, приемлем ли индивидуализм в его немецкой форме – в форме полной свободы, до распушенности доходящей; - нужно, конечно, «индивидуально идти по «общей дороге», и какофония настроений автора, поданная в картине без признаков критического отбора, в форме лишь последовательной записи настроений художника, никому, кроме этого художника, не нужна.

Безразлично, конечно, выражается ли эта какофония в предметном или беспредметном искусстве. В первом случае мы имеем дело с недопустимым возведением в принцип свободы «невинного» мышления; непосредственность в принцип не может быть возведена. Во втором

случае мы окажемся лицом к лицу лишь с психологической записью неврастеника и ни с чем больше.

В немецких художественных кругах потому-то принято индивидуализм и национализм (национализм есть индивидуальность нации) считать реакционным. С этим, мне кажется, скорее официозным, чем верным взглядом на искусство следовало бы покончить, так как с одной стороны он является не больше, как отрывком дурно пережеванного коллективизма, с другой же стороны, диктуется печальной, с индивидуальной точки зрения, невозможностью выйти из-под обаяния чужих традиций.

Аракчеевщина в виде коллективизма, слопавшего индивидуальность без остатка, никому не нужна, и в этом смысле та доля истины (увы, хорошо известной, но основательно забытой), что в экспрессионизме заключается, требует от тех, кто хочет искусства, а не доктрины, не только работы *avec les grandes problems*, как говаривал один мой приятель художник, но и работы над собой. Так же как и меньшего апломба в суждениях об искусстве целой нации.

Ив. Пуни